

RU

Красота как эстетическая категория: опыт социального конструктивизма и феминистской философии

Москаленко Д. Н.

Аннотация. Цель исследования заключается в выявлении специфики категории «красота» в современном западноевропейском обществе с учётом опыта социального конструктивизма и феминистской философии. **Научная новизна** работы состоит в анализе классической для эстетики категории «красота» в контексте постнеклассической конструктивистской философии и современного феминистского дискурса. **В результате** изучены историко-философские и социокультурные аспекты становления и развития категории «красота», проанализированы механизмы конструирования социальной реальности в эстетической сфере и предпосылки возникновения мифа о красоте, а также обосновано, что красота в контексте феминистской и конструктивистской философии есть не что иное, как сконструированный обществом феномен, а вовсе не существующая отдельно от человека объективная реальность.

EN

Beauty as Aesthetic Category through the Prism of Social Constructivism and Feminist Philosophy

Moskalenko D. N.

Abstract. The paper aims to identify specificity of the “beauty” category representation in the modern West European society within the framework of social constructivism and feminist philosophy. Scientific originality of the study involves analysing the key aesthetic category “beauty” in the context of post-non-classical constructivism and modern feminist discourse. The research findings are as follows: the author considers historical-philosophical and sociocultural aspects of the “beauty” category development, analyses the mechanisms to construct social reality in the aesthetic sphere, examines prerequisites for the origin of “beauty myth” and justifies the thesis that feminist philosophy and constructivism regard beauty as nothing more than a “social construct”, not an objective phenomenon.

Актуальность темы исследования обусловлена текущей социокультурной ситуацией, которая диктует свои стандарты красоты в образах массовой культуры через воспроизводство символических значений, унифицированных эстетических эталонов и визуальных образов. В пространстве современного, постоянно изменяющегося мира на человека и его эстетические предпочтения влияют средства массовой информации и коммуникации, размывающие представления о прекрасном и безобразном. Также нельзя не отметить, что красота сейчас превращается в огромную индустрию, которая подчиняется рыночным законам и порождает целый пласт новых профессий, связанных с производством и потреблением косметических товаров и услуг. В условиях глобализации представления о женской красоте всё больше универсализируются. Данные обстоятельства делают настоящую работу актуальной для социально-философского знания.

Исходя из поставленной цели, сформулируем следующие **задачи**: изучить историко-философские и социокультурные аспекты становления и развития категории «красота»; проанализировать механизмы конструирования социальной реальности в эстетической сфере и предпосылки возникновения мифа о красоте; обосновать, что категория «красота» в социальном конструктивизме и феминистской философии – сконструированный обществом феномен.

В статье применяются следующие **методы исследования**: общенаучный метод анализа, который позволил исследовать категорию «красота» в контексте развития западноевропейской философской мысли; социокультурный метод, позволивший выявить социокультурные основания возникновения мифа о красоте; гипотетико-дедуктивный метод, благодаря которому было обосновано, что категория «красота» в социальном конструктивизме и феминистской философии является феноменом, сконструированным обществом.

Теоретической базой исследования послужили работы гендерных исследователей, а также исследователей феминизма, таких как Н. Вульф [5], С. Бовуар [4], И. Кон [14], А. Дворкин [7, с. 7-29] и др., в которых анализируются социокультурные предпосылки становления и развития эстетических идеалов и непосредственно категории «красота». Также использовалась работа социологов П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания» [3], в которой авторы исследовали механизмы создания людьми социальной реальности и способы её восприятия и конструирования.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть органично вписаны в спецкурсы по социальной философии, а также использованы для разработки образовательных программ различной направленности, пособий и курсов по социально-гуманитарным дисциплинам.

В античной философии категория «красота» рассматривалась онтологически – в качестве объективно существующей реальности. В греческой философии космос или космический порядок определялся положением гилозоизма, то есть представлениями об одушевлённости материи. Каждый элемент космоса именно такой, каким и должен быть, он абсолютно гармоничен со всеми остальными элементами. Интересно отметить, что с древнегреческого слово «косметика» переводится как «искусство украшать», наука о красоте тела и его пропорциях. По сути, космос есть любой совершенный, а потому и прекрасный в своём совершенстве порядок. Начиная с Сократа, категория «красота» начала соотноситься с человеком. Сократ говорил о нравственной красоте, или калокагатии, где добро и красота совпадают в человеке. Таким образом, у Сократа красота становится не только эстетической, но и этической категорией. В дальнейшем синтез эстетического и этического в красоте развивался у Аристотеля, который трактовал прекрасное как благое. Примечательно, что после попыток выяснить, что есть прекрасное, безотносительно к конкретным вещам, само по себе, Сократ в итоге приходит к выводу, что природа прекрасного трудно постижима: «Итак, мне кажется, Гиппий, что я получил пользу от твоей беседы с ним; ведь, кажется мне, я узнал, что значит пословица “прекрасное – трудно”» [8]. Прекрасное есть нечто общее, что отражается в единичных вещах и что целесообразно, соответствует своему назначению. В объективном идеализме Платона красота находится в сфере идей, в сверхчувственном мире. Прекрасное у Платона – вечная и неуничтожимая идея, противоположная изменчивой и мёртвой материи.

Для исследования категории «красота» в социально-философском дискурсе важное значение имеет также её соотношение с категорией «телесность». В Средние века платоновская идея была трансформирована в христианской парадигме антагонизма души и тела: душа бессмертна и восходит к сакральности, тело же смертно и является источником греха. По мнению Ф. Аквинского, красота тела определяется в том числе и тем, насколько человек способен приобщиться душой к сакральному [1]. Несмотря на то, что в Античности, в частности у Платона и Аристотеля, мы можем найти определения красоты через гармонию, средневековые философы расширяют это понимание, привнося в него соотношение с трансцендентным: причина гармонии заключена именно в том, насколько она относится к сфере божественного. Например, согласно Аквинату, познание происходит путём уподобления, а подобие имеет свою форму, так что красота здесь связана с понятием формальной причины. «Эстетическое удовольствие тесно связано у Фомы с познанием. Он видит единство чувственного и интеллектуального познания в сопричастности. Ум сопричастен как интеллектам чистых духов, так и божественному интеллекту» [10, с. 299]. Человеческое тело красиво постольку, поскольку оно организовано божественным разумом в согласии с законами о пропорциях.

В эпоху Ренессанса представления о красоте возрождают античное понимание эстетических форм на новом уровне антропоцентризма: происходит восхваление человеческого тела, прекрасного в своей естественности. Развиваются представления об идеальных телесных пропорциях [9]. Согласно воззрениям Леонардо да Винчи, пропорции тела не имеют абсолютного значения, они меняются от фигуры к фигуре, от восприятия к восприятию, от позы к позе и т.д. Т. Кампанелла возрождает в своих эстетических воззрениях принцип гилозоизма и сократовскую целесообразность. Здесь тоже речь идёт про относительность, а не абсолютность красоты. Философы и деятели искусства, таким образом, выражают вполне характерную для Ренессанса идею о том, что красота, прекрасное, безобразное есть компонент относительный, зависящий от ряда причин, а вовсе не то, что вплетено в само бытие. Эстетические направления этой эпохи основывались преимущественно на неоплатонизме, который был антитезой средневековой схоластики [11, с. 7].

Представления о красоте начали значительно трансформироваться, а именно деонтологизироваться, в эпоху Просвещения. Философ И. Кант в «Критике способности суждения» пишет: «Для того чтобы определить, прекрасно ли нечто или нет, мы соотносим представление не с объектом познания посредством рассудка, а с субъектом и испытываемым им чувством удовольствия или неудовольствия посредством воображения» [13, с. 40], утверждая тем самым неразрывность представлений о красоте с субъективным восприятием. Кант демаркирует сферу эстетического и от морали, и от познания, лишая категорию «красота» онтологического статуса. «Кант дестабилизировал концепт красоты, размыкаяющий это понятие с добродетелью, естественностью» [15, с. 37]. Эстетическое суждение, по Канту, это суждение без понятия – никакое понятие разума или логическое рассуждение не может предшествовать суждению о прекрасном. Вкус – порождение неаргументированного суждения по причине его принадлежности субъекту [12].

Немалую роль, на наш взгляд, в переосмыслении понятия красоты сыграла конструктивистская философия, которая показала, что реальность конструируется людьми. Социологи П. Бергер и Т. Лукман отмечают, что общество сегментируется на институты, которые, в свою очередь, порождают обособленные «смысловые подуниверсумы, конструирующиеся в том числе и по признаку эстетических предпочтений» [3, с. 64].

То, что красиво для человека восточной культуры, может показаться безобразным человеку, воспитанному культурой западной, и наоборот. Согласно концепции социального конструирования реальности вышеупомянутых социологов, человек вовсе не рождается сразу в качестве члена общественных отношений, но только с предрасположенностью к социальности и потом, проходя процесс социализации, становится членом общества.

Опираясь на исходные положения социального конструктивизма, необходимо понять предпосылки и механизмы конструирования людьми реальности, то есть как именно происходит восприятие и преобразование реальности, в том числе и в эстетической сфере. Субъективная интерпретация формируется в процессе интересубъективной коммуникации в пространстве так называемого жизненного мира. Значит, эстетические, художественные и идеологические феномены знания, представления о красоте – результат конвенционального соглашения между людьми, а вовсе не структуры, которые присутствуют изначально и имеют онтологический статус. Социальная реальность есть деятельность, которая творится людьми в процессе коммуникации, социализации, усвоения норм и правил, трансляции и интерпретации знаковых систем. В контексте рассмотрения категории «красота» в рамках социального конструктивизма важно подчеркнуть, что человек здесь может выступать не только как активно действующий субъект, самостоятельно конструирующий идеалы и стандарты красоты, но и как заложник навязанных представлений, который зависит от вышеупомянутых «смысловых подуниверсумов» и социальных институтов.

В целом социальный порядок есть постоянное воспроизводство реальности человеком и общественными институтами, порядок этот не выводится ни из биологии, ни из природной среды. У любого социального пространства как среды, в которой сосуществуют социальные объекты и воспроизводятся социальные практики и отношения, есть габитус, или свой социальный порядок, являющийся своего рода системой из усвоенных моделей поведения и стереотипов поведения. «Всякая человеческая деятельность подвергается габитуализации» [Там же, с. 41], то есть подвергается превращению в привычку, стереотипизированный принцип действия. Всё это относится и к подходам к пониманию красоты в обществе: современная западноевропейская культура с её стандартизированным пониманием женской красоты транслирует образ белой худой цисгендерной женщины с параметрами фигуры 90-60-90 в качестве эталона. Неудивительно, что в XX в. эстетические категории, в том числе «красота» и «прекрасное», получили серьёзную критику со стороны феминистской мысли.

С. Бовуар в духе экзистенциальной философии не признаёт наличия «природы человека» в смысле строгой предзаданности: человек свободен выбирать себя, «делать себя» самостоятельно и независимо от пола. Однако нельзя не принять во внимание существующие идеалы и стандарты красоты, влияющие в культуре преимущественно на женщин. «Идеал женской красоты изменчив, но некоторые требования остаются постоянными; среди прочего, поскольку предназначение женщины в том, чтобы ею обладали, ее телу должны быть присущи свойства инертного и пассивного объекта» [4, с. 365]. Красота здесь связана с телесностью в контексте социальных норм: тело как объект, через который определяется подчинённое положение женщины в обществе. «Популярный в массовой культуре идеал худощавой красоты побуждает женщин думать, что если они хотят быть положительно оценены другими, они должны соответствовать этому идеалу» [14, с. 257]. Отметим также, что экзистенциально-феноменологический подход к пониманию красоты фундируется на тезисе об интенциональной направленности сознания и внутренней активности субъекта. Категория красоты здесь становится индивидуально-личностной и зависимой от уровня развития эстетического вкуса, насмотренности и культурного бэкграунда.

Н. Вульф рассматривает красоту как один из методов своеобразного символического насилия в обществе. Красота, по замечанию Вульф, приносит женщинам боль через так называемые калечащие практики красоты и адаптивные бьюти-предпочтения: эстетическая хирургия, аппаратная косметология и инъекции, высокие каблуки, макияж, эпиляция и депиляция, маникюр и педикюр, диетические практики, наращивание ресниц, окрашивание волос и бровей, обтягивающая одежда и др. [5]. Красота в современной консьюмеристской культуре становится мифом, воздействующим на сознание женщин, эксплуатирующим женскую телесность через акты потребления косметических средств и услуг с целью мнимого усовершенствования природных данных, приведения их в соответствие с тем стандартом красоты, что принят в данной культуре. Этот миф навязывает шаблонное и однообразное представление о красоте, благодаря которому женщина должна реализоваться в обществе. Разумеется, речь идёт про объективацию, превращение субъекта в эстетический объект, выполняющий определённые функции, что приводит к дегуманизации, обезчеловечиванию.

О подобной дегуманизации ради стандартов красоты писала А. Дворкин в работе «Гиноцид, или китайское бинтование ног» (так в оригинале. – Д. М.). Бинтование ног – обычай, практиковавшийся в Китае с X в., который заключается в том, что девочкам забинтовывают пальцы ног к ступне, а затем заставляют ходить в обуви малого размера, вследствие чего ступни деформируются. Дворкин называет этот обычай угнетением женщин, которое основывается на тоталитарных стандартах красоты [7, с. 20]. Размер ступни женщины определял так называемый престиж невесты: если женщина принадлежит к высшему обществу, то у неё не может быть большой ноги и ходить самостоятельно ей ни к чему. Здоровые ступни могут быть только у представительниц низшего сословия, которые вынуждены трудиться на крестьянской работе. Только после 1911 г. в Китае данная калечащая традиция начала подвергаться критике со стороны философов, писателей и общественных деятелей. В обществах с аристократическим способом управления идеалы красоты соответствующие – аристократические, идущие от знати, управленцев с благородным происхождением. Также эти стандарты отражают «отношение человека к своей физической сущности» и предписывают человеку те черты,

которыми он якобы должен обладать. По сути, такие стандарты ограничивают не только свободу самовыражения, но и физическую свободу женщин [Там же, с. 26]. В современном обществе представления о женской красоте диктуются потребительскими установками, а с помощью процессов габитуализации и конструирования социальной реальности в области эстетических предпочтений категория «красота» становится подконтрольной и структурированной данным обществом.

Феминистская критика категории «красота» подчеркивает искусственность культурной практики украшения себя и своего тела, указывая на вред бьюти-практик [6, с. 535]. Безусловно, концептуальное содержание образа женской красоты в современном обществе совмещает в себе самые разные формы, однако нельзя не заметить некую преобладающую форму, отражающую социальную реальность и транслирующую определенные стандарты, которые реализуются на уровне визуальной культуры в средствах массовой информации и коммуникации, включая интернет-блоги, рекламу на телевидении, на уличных билбордах и т.д. Популярная культура и современные СМИ так или иначе контролируют поведение и предпочтения человека, навязывая собственные критерии красоты, передаваемые через механизмы социального регулирования. Сложно не учитывать гендерный аспект, говоря о контроле и телесности в данном контексте: вовлеченность женщин и мужчин в бьюти-практики сильно различна. Различны как сами практики и время, уделяемое им, так и отношение женщин и мужчин к собственной телесности и представления о нормативной красоте тела. Женская внешность в пространстве публичного дискурса становится предметом обсуждения значительно чаще мужской. Красота становится тем, что социально предписывается человеку из-за его принадлежности к определенному гендеру. Заданная нормативность понятия красоты побуждает женщину соотносить собственную внешность с системой оценки, которая существует в данном обществе. В феминистской философии все эти аспекты проблематизируются, в результате чего становится понятна искусственность транслируемых стандартов женской красоты, эстетических предпочтений и моделей поведения как способов контроля.

Мы приходим к следующим **выводам**. При решении задачи изучения историко-философских и социокультурных аспектов становления и развития категории «красота» было выяснено, что в Античности и Средние века данная категория рассматривалась преимущественно онтологически: либо как часть совершенного космического порядка в первом случае, либо трансцендентной реальности – во втором случае. И только начиная с эпохи Просвещения данная категория стала деонтологизироваться, а в постнеклассической конструктивистской философии и философии феминизма – подвергаться критике. Проанализировав механизмы конструирования социальной реальности в эстетической сфере и предпосылки возникновения мифа о красоте, мы пришли к выводу, что в процессе социализации человек конструирует представления о своей телесности в качестве соответствующей или не соответствующей идеалам красоты в обществе. Эстетические представления и предпочтения вытекают не из свободного выбора, а из усвоенных в обществе стандартов. Это позволяет нам обосновать, что категория «красота» в контексте феминистской и конструктивистской философии есть не что иное, как сконструированный обществом феномен, а вовсе не существующая отдельно от человека объективная реальность. Таким образом, в настоящей работе поставленные задачи были решены в полном объеме и достигнута указанная цель исследования. Стоит также отметить, что данная статья, расширяя представления о красоте как о социальном конструкте, позволяет продолжить исследование закономерностей его существования в современном обществе.

Список источников

1. Аквинский Ф. Сумма теологии. Часть I. Вопросы 1-43 / пер. с лат. С. Еремеева, А. Юдина. М.: Элькор-МК, 2002. 560 с.
2. Антология гендерной теории / Европ. гуманитар. ун-т, Центр гендер. исслед.; сост., коммент. Е. Гаповой, А. Усмановой. Мн.: ПроPILEI, 2000. 383 с.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Моск. филос. фонд, 1995. 322 с.
4. Бовуар С. Второй пол / пер. с фр. И. Малаховой, Е. Орловой, А. Сабашниковой. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2017. 924 с.
5. Вульф Н. Миф о красоте: стереотипы против женщин / пер. с англ. А. Графова, Т. Графова. Изд-е 4-е. М.: АНФ, 2020. 574 с.
6. Гендерная теория и искусство. Антология: 1970-2000 / пер. с англ.; под ред. Л. М. Бредихиной, К. Дипуэлл. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. 592 с.
7. Дворкин А. Гиноид, или китайское бинтование ног // Антология гендерной теории / Европ. гуманитар. ун-т, Центр гендер. исслед.; сост., коммент. Е. Гаповой, А. Усмановой. Мн.: ПроPILEI, 2000. С. 7-29.
8. Диалоги Платона / пер. с древнегреч. В. С. Соловьева. М.: РИПОЛ классик, 2016. 576 с.
9. История красоты / под ред. У. Эко. М.: СЛОВО, 2005. 440 с.
10. История эстетической мысли: в 6-ти т. / Ин-т философии АН СССР, Сектор эстетики. М.: Искусство, 1982. Т. 1. Древний мир. Средние века в Европе. 464 с.
11. История эстетической мысли: в 6-ти т. / Ин-т философии АН СССР, Сектор эстетики. М.: Искусство, 1985. Т. 2. Средневековый Восток. Европа XV-XVIII вв. 456 с.
12. Кант И. Критика способности суждения. Изд-е 2-е, стер. СПб.: Наука, 2006. 512 с.

13. Кант И. Собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Чоро, 1994. Т. 5. 414 с.
14. Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 496 с.
15. Табаков М. А. Влияние эстетики конструктивизма на современную культуру // Сервис plus. 2011. № 1. С. 37-43.

Информация об авторах | Author information

Москаленко Дарья Николаевна¹, к. филос. н.

¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Moskalenko Daria Nikolayevna¹, PhD

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don

¹ damoskalenko@sfedu.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 11.10.2020; опубликовано (published): 30.11.2020.

Ключевые слова (keywords): красота; миф о красоте; философия феминизма; социальный конструктивизм; beauty; beauty myth; feminist philosophy; social constructivism.